
Вокруг проблем с непрозрачностью понятия «свобода совести и религии» в документах Организации Объединенных Наций

Аннотация. Число и неоднородность документов, в рамках которых ООН занимается свободой совести и религии, следует признать внушительными. Тем не менее, это богатство связывается с созданием все новых терминов, которые не очень ясно называют религиозные явления, а в особенности определяют права и свободы, связанные с религией, а также угрозы и нарушения этих прав и свобод. Более того, многие термины эмоционально сильно окрашены, создают запутанную сеть, которая с большим трудом подвергается связной интерпретации. Это способствует ситуации, в которой международные учреждения не используются эффективно для разрешения конфликтов на почве религии или убеждений.

Ключевые слова: свобода совести и религии, свобода совести и религии в документах ООН, непрозрачность понятия «свобода совести и религии», диффамация религии.

Автор

Хордецки Бартош,

PhD (political science), PhD (law) адъюнкт
Департамента медийных систем и права СМИ
Факультета политических наук и журналистики,
Университета им. Адама Мицкевича в Познани
(Познань, Польша).

1. Введение

Число и неоднородность документов, в рамках которых Организация Объединенных Наций занимается свободой совести и религии, следует признать внушительными. Богатство актов свидетельствует об особом внимании, которое ООН — зачастую в сотрудничестве со специализированными организациями — сосредотачивает на проблематике защиты отдельных

лиц и общин по религиозным соображениям [5].

Тем не менее, обилие норм и деклараций также представляет определенные трудности. Можно отметить, что в течение нескольких лет понятие свободы совести и религии, которыми оперирует ООН в своих документах, подвергалось многочисленным трактовкам. Эта ситуация вызывает беспокойство, поскольку отсутствие прозрачности в терминологии способствует непониманию и интерпретационным конфликтам.

2. Создание ООН системы защиты свобод совести и религии в 1945–1981 гг.

В ООН всегда принимался принцип, согласно которому религия не может быть причиной для дискриминации. В Уставе Организации Объединенных Наций среди ее целей перечислены «поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии»¹.

Тем не менее, отношение основателей ООН к религии следует считать консервативным, на что обратил внимание Роберт Ф. Дринан. Автор заметил, что Устав ООН, по правде говоря, пятикратно упоминает о правах человека, но ни разу не говорит о свободе религии, основанной на совести [1]. По его мнению, тем, что повлияло на позицию ООН, была травма, вызванная не только Второй мировой войной, но и религиозными войнами, которые на протяжении столетий разоряли Европу. Эту позицию, кажется, подтверждают *expressis verbis* фундаментальные документы ООН². Кроме того, в соответствии с мнением Р. Ф. Дринана, трудность обозначения религиозных вопросов в Уставе ООН возникала из-за разногласий по сути, а в особенности, по вопросу содержания свободы в делах веры. В частности, исламские страны не соглашались признать, что эта свобода включает в себя также свободу обращения в веру.

Осторожная тенденция продолжалась и в последующие годы — участники системы ООН, казалось, понимали, что слишком подробные дискуссии о свободе совести и религии должны привести к антагонизму. Вместе с их углублением могло бы оказаться, что попытка унификации взгляда

ООН на религиозные свободы привела бы к дезинтеграции их универсальной системы защиты. Тем не менее, 10 декабря 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека (ВДПЧ), которая несколько конкретнее обозначала права личности в области религиозных вопросов. В Декларации утверждается, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения [7]. Кроме того, введена ст. 18, в которой подчеркивается право смены религии. Следует также подчеркнуть, что такое решение — если судить о его убедительном успехе — имело сильные и слабые стороны. Вводя ст. 18, ООН объявила, что свобода мысли, совести и вероисповедания не является только неопределенным лозунгом, но включает в себя конкретные полномочия. С другой стороны, могло возникнуть впечатление, что каталог подробных полномочий, сформулированный в ВДПЧ, имел замкнутый характер, особенно потому, что в тексте не хватает формулировки «в частности»³.

Процесс осторожного определения ООН в понимании свободы совести и вероисповедания продолжался в 1960-е годы, в частности, с принятием юридически обязательных Пактов о правах человека. Таким образом, упрочивались определения договоренности ВДПЧ, которая не имела характера международного соглашения (хотя широко распространенным является суждение, что с течением времени она приобрела характер международного обычного права). Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) подразумевал под собой,

¹ Устав Организации Объединенных Наций, ст. 1. См. также ст. 55, п. с и ст. 76 п. 3. Эти записи свидетельствуют о том, что к религии создатели Устава отнеслись как к опасному явлению, которое может создавать и часто создает угрозу.

² Прежде всего Устав ООН и Всеобщая декларация прав человека.

³ Сверх того, тематика, связанная с религиозной свободой в ВДПЧ, была поднята в ст. 19 и ст. 26.

Вокруг проблем с непрозрачностью понятия свобода совести и религии в документах Организации Объединенных Наций

что государства-участники должны гарантировать, чтобы упомянутые в нем права выполнялись без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства¹. В свою очередь, Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) относился к религиозным вопросам гораздо шире, внося значительный вклад в уточнение и развитие значения «свободы совести и религии». Ст. 2 п. 1 этого документа была эквивалентом ст. 2 п. 2 МПЭСКП. В свою очередь, ст. 4 привносила существенное *novum*, а именно, гарантировала, что среди неотсроченных решений обсуждаемого регулирования находится ст. 18. Согласно последнему, каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отпавлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении. Кроме того, в пункте 2 признано, что никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору². Таким образом, в Пакте подчеркивается, что индивидум может не только сохранить существующую веру, но также отречься от нее и перейти, либо не переходить в другую. Положение 3, в свою очередь, касается ограничений, которым могут подчиняться проявления религии или убеждений. Такие ограничения должны выполнять два условия, т. е. быть «установленными законом» и быть необходимыми для защиты общественной безопасности,

порядка, здоровья, и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. Следует подчеркнуть, что в этой записи авторы ссылаются на мысль, согласно которой свобода совести и религии имеет сложный характер, т. е. охватывает *forum internum* (свобода убеждений и управления ими в своем собственном сознании) и *forum externum* (свобода проявления убеждений и оперирования ими в общественной жизни). В результате, в соответствии с положениями Пакта, в качестве обязательной принята концепция, согласно которой часть прав в области свободы совести и вероисповедания — это права абсолютные, неприкосновенные, однако остальные — наоборот. Разумное оперирование этим разделением, несомненно, может сгладить социальные конфликты на религиозной почве.

Следует признать, что Пакт выполняет важную интеллектуальную функцию, т. е. создает аргументированное поле, внутри которого легко оправдывается умеренная интерпретация положений о свободе совести и религии. Эта интерпретация означает баланс между свободами отдельных лиц и общин. Конечно, следует подчеркнуть, что такое сбалансированное толкование — это единственный шанс, возможность, исходящая из Пакта. Однако на практике пользователи документа, международное сообщество, государства-участники и их жители решают, будет ли оно на самом деле применяться в конкретных ситуациях³.

3. Многозначность системы защиты свободы совести и религии ООН в 1981–1999 гг.

Очень хорошим примером эмоционализации документов ООН является Декларация ООН 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений (ДНДРУ). Следует подчер-

¹ См. также ст. 13 п. 3 Пакта. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

² Там же.

³ Существенны, с точки зрения регулирования религиозных вопросов, также ст. 19, 20, 24, 26, 27. Ibidem.

кнута, что до того, как документ был принят на форуме ООН, велся живой спор, должен ли составляемый акт иметь лишь декларативный характер или быть международным договором. Было принято решение о декларации, что, с одной стороны означало, что он не имеет обязательного характера и налагает или констатирует обязанности не строго юридические, но моральные и политические. Тем не менее, такое решение позволило усилить язык, которым воспользовались создатели документа.

Преамбула напоминает о положениях Устава ООН и ВДПЧ, в свете которых свобода мысли, совести, религии и убеждений являются важным элементом системы прав человека. В ней также утверждается, что игнорирование и нарушение прав человека и основных свобод, в частности, права на свободу мысли, совести, религии или убеждений любого рода, являются прямо или косвенно причиной войн и тяжелых страданий человечества, особенно когда они служат средством иностранного вмешательства во внутренние дела других государств и приводят к разжиганию ненависти между народами и государствами. Также признано фундаментальное значение религии и убеждений в жизни человека [10].

Текст состоит из 8 статей, сформулированных с помощью патетического и возвышенного языка. В нем использованы выражения, предназначенные для стимуляции крайних ощущений. Типичный язык для юридических текстов смешивается в нем с языком морального и даже священного дискурса. Присутствуют формулировки, мобилизующие к действию и одновременно создающие из декларации своеобразный мировоззренческий манифест.

Статья 3 составляет наиболее риторизированный фрагмент декларации. Используемые в нем формулировки заставляют вспомнить усердие религиозных институтов, созданных для защиты чистоты веры. Речь в этом фрагменте текста идет о том, что дискриминация людей на основе религии или убеждений является **оскорблением** достоинства человеческой личности и

отрицанием принципов Устава Организации Объединенных Наций и **осуждается как нарушение** прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и подробно изложенных в Международных пактах о правах человека, и как **препятствие для дружественных и мирных отношений между государствами** [10]

В общей оценке следует сказать, что Декларация является документом перенасыщенным идеалистическим мышлением и даже идеологизированным. Об этом уже свидетельствуют пропорции этого акта (почти половина текста — это преамбула). Кроме того, основой Декларации является тезис о том, что на самом деле до сих пор предупреждение нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений было не слишком эффективным. Тем не менее, может стать таковым, если международное сообщество будет развивать правовые инструменты, служащие для защиты отдельных лиц и групп в этом направлении. Это предположение привело к созданию текста, который с риторической точки зрения характеризуется определенной двойственностью и даже праксеологической противоречивостью. С одной стороны, подробные формулировки Декларации показывают, что ее авторам важна была точность, направленная на облегчение равномерной интерпретации документа, которая полностью защищала бы отдельные лица и группы. В то же время, они не могли отказаться от эмоционально сильно окрашенного языка, а это не только не снижает многозначность, но умножает ее.

Другой документ, который определяет права, охватываемые свободой совести и религии, это Декларация ООН 1992 г. о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Этот документ был создан в связи со ст. 27 МПГПП [9].

Документ утверждает, что разнообразие является ценностью и что человек реализует себя не только, как индивид, но и в качестве члена группы. Этот акт являет-

Вокруг проблем с непрозрачностью понятия свобода совести и религии в документах Организации Объединенных Наций

ся выражением развития дискурсов идентичности. Они осуществляются с помощью новой риторики, которая признает и ценит отличие, самобытность, разницу. Она усиливается вместе с развитием некоторых современных методологий в гуманитарных науках (например, постструктурализме, постмодернизме) и новых идеологических движений (например, феминизме, коммунитаризме).

Следует подчеркнуть, что ООН хорошо понимает собственные проблемы с однородной интерпретацией документов, возникших и функционирующих в рамках этой системы. В итоге нередко на форуме ООН различные коалиции государств пытаются противодействовать различным интерпретациям, особенно мотивированным желанием ограничения свободы и прав, принадлежащих индивидам. Желая исключить или, по крайней мере, ограничить подобные действия по отношению к свободе мысли, совести и религии, Комитет ООН по правам человека в 1993 г. издал Замечание общего порядка № 22 по ст. 18 МПГПП¹.

Авторы Замечания высказались за широкое понимание права на свободу мысли, совести и религии (включая свободу убеждений). Они подчеркнули, что это понятие охватывает свободу мысли по всем вопросам, а также воззрения человека и приверженность религии или убеждениям, исповедуемым как единолично, так и сообща с другими. Важно также, что свобода мысли и свобода совести подлежат такой же защите, как свобода религии и убеждений. Они имеют основополагающее значение, так как не могут быть при-

остановлены ни в коем случае, о чем говорит ст. 4 п. 2 МПГПП [12].

В свете замечаний Комитета, свобода мысли, совести, религии или убеждений не то же самое, что свобода манифестации религии или убеждений. Манифестация, в отличие от свободы мысли или религии, а также свободы следования определенной религии, или бытия последователем данных убеждений, не имеет абсолютного характера и не подлежит безоговорочной защите. Тем не менее, она может быть осуществлена «как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком», охватывая широкий спектр действий в области молитвы (*worship*), ритуалы (*observance*), практику (*practice*) и обучение (*teaching*) [12].

Комитет по правам человека также подчеркнул, что свобода владения или принятия религии/убеждений включает в себя свободу в их выборе, в том числе, с отказом от предыдущей религии, принятием другой, принятием атеистических взглядов, равно как правом сохранения предыдущей религии/предыдущих убеждений. Его авторы также старались привести примеры действий, нарушающих п. 2 комментируемой статьи [12].

В документе также припоминается, что в соответствии со ст. 20 МПГПП, свобода религии или убеждений не дает права на пропагандистскую войну, на поощрение ненависти на национальной, расовой или религиозной почве, представляющую собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию. Более того, государства-участники обязаны принять закон, который запрещал бы такие действия [11].

В обсуждаемом тексте прокомментирован также вопрос ограничений, которым может подвергаться свобода религии или убеждений и которые определены в ст. 18 п. 3 МПГПП. Очень важно, что их нельзя применить к свободе по принуждению в вопросе принятия религии или убеждений, а также к свободе родителей или законных опекунов в области обеспечения детям религиозного или морального образования [12].

¹ По данному вопросу см.: Замечание общего порядка № 22 по ст. 18 МПГПП; *Gołda-Sobczak M., Sobczak W., Zakres przedmiotowy swobody sumienia i religii w systemie prawnym ONZ // Dylematy praw człowieka*, ред. Gardocka T., Sobczak J. — Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2008, стр. 312–320; *Michałowska G. Ochrona praw człowieka w Radzie Europy i w Unii Europejskiej*. — Warszawa: WaiP, 2007. — С. 62–63.

По мнению Комитета по правам человека, не следует забывать, что есть много моральных систем, внедренных в различные религиозные или философские традиции. По этой причине защита нравственности не может быть основана на принципах, исходящих только из одной традиции, например, христианской, исламской или иудейской.

Признание какой-либо религии в качестве государственной, официальной или традиционной, а также тот факт, что последователи любой религии или системы убеждений составляют большинство населения, не может привести к нарушению каких-либо полномочий, указанных в МПГПП, а также дискриминации в отношении кого-либо [12].

В Замечании достаточно последовательно применен союз «или» между словами «религия», «убеждение». Таким образом, это позволяет избежать путаницы относительно того, выступают ли «свобода религии» и «свобода мысли» совместно или по отдельности. Основываясь на важности логического союза альтернативы, следует предположить, что эти свободы различны, но могут сосуществовать. Изредка авторы документа использовали также традиционную, хотя логически неоднозначную, формулировку «Право на свободу (sic!) мысли, совести и религии» (*the right to freedom of thought, conscience and religion*) [12].

Во время чтения документа трудно удержаться от впечатления, что Комитет по правам человека затронул казуистику, умножая конкретные случаи осуществления свободы вероисповедания или религии, их нарушений, а также ситуаций в соответствии со ст. 18 МПГПП. Лейтмотивом Замечания следует считать желание освещения того, что на основании самого Пакта казалось, или, по крайней мере, могло показаться, неопределенным. Текст свидетельствует о том, что его создатели, на основании большого багажа опыта, понимали, что МПГПП, из-за своей лапидарности, может быть риторически злоупотребляем. Тем самым охарактеризованный документ свидетельствует о том, что развитие системы ООН, как и многих других, если не все правовых

систем, подвергается логике реагирования на чрезмерную интерпретацию и предотвращение чрезмерной интерпретации [6].

Тем не менее, положение Комитета по правам человека следует считать настолько особенным, что в своем лаконичном утверждении Пакту сопутствует хотя бы обсуждаемая уже обширная ДНДРУ. Этот текст, как показано, гораздо более украшенный и от этого многозначней, чем МПГПП. Это приводит к тому, что Комитет по правам человека вынужден постоянно входить в роль переводчика, который придает смысл формулам эмоционально волнующим, но непонятным.

4. Дискуссия вокруг вопроса о «диффамации религий»

Последние три десятилетия характеризуются значительным приростом нового типа документов, которые уже не обращаются к правам, единичным или коллективным, выводимым из принципа свободы совести и религии. В эти годы предметом интереса ООН и специализированных учреждений все чаще становилась и становится религия как таковая. В результате усилилась тенденция к эмотивизации актов ООН, касающихся религии или убеждений.

Так, 18 декабря 1994 г. в ходе конференции «Вклад религии в культуру мира», организованной 12–18 декабря в Барселоне Каталонским центром ЮНЕСКО, была принята Декларация о роли религии в содействии культуре мира [8].

Стиль декларации особенно декоративен — можно даже рискнуть предположить, что только узорчатость (*ornatus*) была для авторов тем слоем текста, которому посвятили наибольшее внимание. Важно отметить, что многочисленные словесные процедуры, особенно используемые в тексте метафоры, почерпнуты из языков религии. Проникновение оборотов этого типа в сферу политики или права не ново. Тем не менее, документы, разработанные под эгидой государственных организаций уни-

Вокруг проблем с непрозрачностью понятия свобода совести и религии в документах Организации Объединенных Наций

версального характера, редко заимствуют их таким выразительным способом. Как правило, отслеживается, чтобы эти тексты были автономными, что проявляется также, а, возможно, прежде всего, в использовании своеобразной терминологии, специфического языка. В связи с этим декларация является уступкой политико-правового мира религиозно-идеологическому пространству. Однако возникает сомнение, не является ли это слишком глубоким поклоном. Ведь уважение к религиозной жизни не требует переноса ее элементов в сферу деятельности ЮНЕСКО. На самом деле можно предположить — и это по силам самому тексту — что за счет заимствования авторы стремились проиллюстрировать тезис, согласно которому религия благотворна, если не подвергается политизации. Тем не менее, действуя так, де-факто использовался религиозный язык, чтобы усилить тон документа политического характера. Таким образом, текст Декларации становится обремененным внутренним противоречием, то есть является аутофагическим текстом. Дополнительно он способствует приглушению дискуссии, касающейся эмоций, которые ООН может и должна испытывать в отношении различных религий мира. Другими словами, из-за формы языка текст провоцирует аргументацию, согласно которой религия должна составлять не только предмет интереса ЮНЕСКО, но также вдохновение для деятельности этой организации. Ссылаясь на документ, можно даже утверждать, что организация не столько принимает религиозную активность, сколько поддерживает и продвигает ее.

В свою очередь, 30 апреля 1999 г. в ходе 62-го заседания Комиссии по правам человека принята Резолюция 1999/82. Этот акт, принятый без голосования, инициировал ряд документов подобной тематики [17].

В резолюции радостно сообщалось, что Генеральная ассамблея ООН запланировала, что 2001 г. будет Годом диалога между цивилизациями. Авторы документа отметили, что во многих местах по всему миру совершаются акты нетерпимости, дискри-

минации и насилия, основанные на религии или убеждениях. Они нередко мотивировались религиозным экстремизмом [17].

Самое главное, в тексте признано, что он является выражением глубокого беспокойства по причине негативной стереотипизации религии. Авторы текста выразили протест против частых и ошибочных ассоциаций ислама с нарушениями прав человека и терроризмом. Также они выразили мнение о том, что беспокойство вызывает каждая ситуация, в которой с помощью СМИ общество подстрекается к актам насилия, ксенофобии, нетерпимости и дискриминации в отношении ислама или любой другой религии [17].

Представленный в резолюции диагноз, как и сформулированные в нем рекомендации, свидетельствует об обострении конфликтов на религиозной почве в современном мире. Используемую в тексте риторику можно описать определением «риторика обиженных». Этот документ, безусловно, весьма убедителен, что однако составляет реакцию на эмоционально сильно окрашенные медиа-сообщения. Его принятие привело к поляризации позиций в рамках ООН. Часть государств подвергло его серьезной критике, другие посчитали, что он был очень нужен. Основное обвинение критиков сводилось к тезису о том, что защита религии, в частности, ислама против «клеветы» на практике означает чрезмерное ограничение свободы совести и религии. В ответ на это обвинение было высказано мнение о том, что религиозная свобода не дает права поносить чью-либо веру или мировоззрение. Впоследствии, однако, дебаты о религии на форуме ООН очень заострились, часто побуждая к экстремальной реакции. В результате развернулась острая, многолетняя квазифилософская дискуссия, ориентированная в действительности на реализацию политических целей. В ее рамках говорилось и говорится о сущности религии, о сходствах и различиях религиозных течений, о том, что они вызывают позитивное или негативное влияние на общество, противоре-

чат или не противоречат демократии, что способствуют или препятствуют соблюдению прав человека. Этот спор в значительной мере подвергся догматизации и, таким образом, стал утомительным. Но что особенно важно, в результате него лишь умножились сомнения, касающиеся смысла таких основных свобод, как свобода мысли, совести, религии, убеждений [2].

В свете резолюции 13/16 Совета по правам человека ООН под названием «Борьба против диффамации религий», принятой 25 марта 2010 г., оценен вклад всех религий в современную цивилизацию. В этом тексте также заявлено, что благодаря религиям «диалог между цивилизациями может внести серьезный вклад в достижение более глубокого осознания и понимания общих ценностей, разделяемых всем человечеством» [16]. Тем не менее, авторы текста «с глубокой озабоченностью» относились к «случаям проявления нетерпимости, дискриминации и актов насилия по отношению к последователям определенных религий, которые происходят во многих частях мира, включая случаи, мотивированные исламофобией, антисемитизмом и христианофобией» [16].

Однако следует отметить, что значительный сдвиг в обсуждении «диффамации религии» произошел в 2011 г.. В то время ООН отказалась от голосования за последующие резолюции против диффамации религии. Изменение, главным образом, связывалось с острым протестом европейских и американских государств, которые никогда не терпели подобных проектов, утверждая, что они способствуют сохранению и принятию негуманных регуляций в правовых системах стран-участниц. Исламские государства — главные проводники борьбы против диффамации религии — в конце концов согласились отказаться от кампании на форуме ООН, однако предупредили, что вернутся к ней, если сочтут это необходимым.

В результате среди последних актов привлекает внимание резолюция 16/13 Совета по правам человека ООН по вопро-

су свободы религии или убеждений от 24 марта 2011 г. Этот документ содержит заявление, согласно которому сегодня нет части мира, которая была бы свободной от религиозной нетерпимости, дискриминации и насилия [18].

Авторы текста представили в нем широкий перечень нарушений этой свободы [18]. В Резолюции отмечено, что «ни одна религия не должна ассоциироваться с терроризмом, поскольку это может иметь вредные последствия в области осуществления права на свободу религии или убеждений всех членов религиозных общин, к которым относится этот вопрос».

Кроме того, на 102 сессии Комитета ООН по правам человека 11–29 июня 2011 г. было принято Замечание общего порядка № 34 к ст. 19 МПГПП: Свобода мнений и их выражения. В документе содержится утверждение, в свете которого запреты на разные формы неуважения к какой-либо религии или другим системам убеждений, в том числе, законы о богохульстве, признаются несовместимыми с Пактом за исключением отдельных случаев, предусмотренных в пункте 2 статьи 20 Пакта.

Такие запреты, как следует из Замечания, должны также строго соответствовать требованиям пункта 3 статьи 19, а также статьям 2, 5, 17, 18 и 26». Это означает, например, что было бы неприемлемо, чтобы какой-либо из таких законов дискриминировал или фаворизировал какую-либо религию или религиозную систему, ее сторонников, последователей или противников. Точно так же было бы неприемлемым, если бы такие запреты были использованы для предотвращения критики или наказания за критику, которая была бы направлена против религиозных лидеров, религиозной доктрины или принципов веры¹.

¹ Замечание общего порядка № 34: Свобода мнений и их выражения (статья 19); см. также: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 20 декабря 2012 г.; Резолюция, принятая Советом по правам человека 22/31 «Борьба с нетерпимостью, формированием

Вокруг проблем с непрозрачностью понятия свобода совести и религии в документах Организации Объединенных Наций

5. Выводы

Правила ООН, касающиеся свободы совести и вероисповедания многочисленны. Количество документов связывается с созданием все новых терминов, которые обозначают религиозные явления, а в особенности определяют права и свободы, а также угрозы и нарушения этих прав и свобод. К сожалению, обилие терминов не способствует прозрачности документов. Многие термины, эмоционально сильно окрашенные, создают запутанную сеть, которая с большим трудом подвергается связанной интерпретации. Это способствует ситуации, в которой международные учреждения не используются эффективно для разрешения конфликтов на почве религии или мировоззрения. Они скорее подчиняются чрезмерной политизации и нередко рассматриваются как форумы, на которых отдельные государства или их группы лоббируют свои партикулярные позиции.

Анализ выбранных текстов приводит к заключению, что ООН избегает выделения негативных аспектов религиозного многообразия человечества. Религии считаются значительной экстраполяцией человеческой деятельности, хотя трудно распознать, относятся ли они к части культуры или скорее к элементу вне сферы культуры. Часто также подчеркивается, что развитие религиозной жизни оказывает положительное влияние на состояние индивидов и общества. Иногда авторы этих документов подчеркивают, что ненависть на религиозной почве не раз приводила к большим конфликтам и трагедиям. Тем не менее, авторы тут же спешат с замечанием, что ни одна религия не призывает к ненависти.

В более старых документах, касающихся религиозных вопросов, ощущается травма, являющаяся результатом Второй мировой войны. Представляется, что эти

негативных стереотипных представлений и стигматизацией, дискриминацией, подстрекательством к насилию и насилием в отношении лиц на основе религии и убеждений».

тексты в значительной степени мотивированы страхом повторного пробуждения раздоров по религиозным мотивам. По этой причине в них часто повторяются стандартизованные, весьма расплывчатые фразы, сформулированные в стремлении никого не обидеть. Кроме того, эти тексты сообщают о единичных свободах и не связаны со сравнениями или характеристикой религиозных общин и их верований.

Тем не менее, очевидно, что в течение нескольких десятилетий своего существования система документов ООН, касающихся защиты свободы совести и религии, изменила свой характер. Внимание постепенно переключилось с прав личности на права меньшинств, а потом занялось религией как феноменом, а также касающимися ее высказываниями. Это привело к ужесточению дискуссии и впоследствии языка, при помощи которого формулируются международные документы.

Несомненно, самой зрелищной причиной сильной эмоционализации дискуссии ООН, касающейся религиозных свобод, следует рассматривать интенсификацию терроризма. Кроме того, особенно в евроатлантическом мире с течением времени прогрессирует процесс забывания о временах тоталитаризма, изобилующих отсутствием уважения к человеческому достоинству, а также основанных на нем индивидуальных прав и свобод. Весомую роль также играет бурное технологическое развитие, которое вынуждает пересмотреть существующие суждения о человеке и, как следствие, того, что для него важно и необходимо.

По этим и другим причинам, особенно в первом десятилетии XXI в., в ООН велась горячая полемика по поводу диффамации религий. В этом споре государства делились чаще всего согласно культурным и цивилизационным критериям. Эту ситуацию лишь немного смягчает факт условного отступления исламских государств от форсирования «антидиффамационных резолюций».

Оговоренные феномены усложняют политику в области свободы совести и ве-

роисповедания также на национальной основе. Государства — члены разных коллегий — становятся все более запутанными и неуверенными в выбранном направлении, в котором развивается международная защита прав человека, включая свободы религиозные или идеологические. Очевидно, что международное право весьма неуверенным образом намечает стандарты, в свете которых следует создавать и применять правила внутреннего распорядка. Та-

ким образом, возрастает роль последних в процессе урегулирования религиозно-философских конфликтов. Поскольку они точны и сбалансированы в согласии с местной политической культурой, они могут помочь в сглаживании напряженности. В противном случае, правила внутреннего распорядка становятся скорее фактором, дестабилизирующим околотрансцендентальные отношения.

Литература

1. *Drinan R. F.* Can God and Caesar Coexist? Balancing Religious Freedom and International Law. New Haven-London: Yale University Press, 2004.
2. *Gliszczyńska-Grabias A.* Zniważanie religii — dyskusja na forum ONZ // Prawne granice wolności sumienia i wyznania, ред. Wieruszewski R., Wyrzykowski M., Kondratiewa-Bryzik J. — Warszawa: Wolters Kluwer, 2012.
3. *Gołda-Sobczak M., Sobczak W.* Zakres przedmiotowy swobody sumienia i religii w systemie prawnym ONZ // Dylematy praw człowieka, ред. Gardocka T., Sobczak J. — Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2008.
4. *Michałowska G.* Ochrona praw człowieka w Radzie Europy i w Unii Europejskiej. — Warszawa: WAIp, 2007.
5. *Scalabrino M.* International Code on Religious Freedom. Leuven-Paris-Dudley. — MA: Peeters Publishers, 2003.
6. *Winczorek J.* Zniknięcie dwunastego wielbłąda. O socjologicznej teorii prawa Niklasa Luhmanna. — Warszawa: LIBER, 2009.
7. Всеобщая декларация прав человека.
8. Декларация о роли религии в содействии культуре мира.
9. Декларация ООН 1992 г. о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам.
10. Декларация ООН 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений (ДНДРУ).
11. Замечание общего порядка № 11: запрещение военной пропаганды и подстрекательства к этнической, расовой или религиозной ненависти.
12. Замечание общего порядка № 22: по ст. 18 МПГПП.
13. Замечание общего порядка № 34: свобода мнений и их выражения (статья 19).
14. Международный пакт о гражданских и политических правах.
15. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.
16. Резолюция 13/16 Совета по правам человека ООН «Борьба против диффамации религий».
17. Резолюция Комиссии по Правам Человека ООН 1999/82.
18. Резолюция Совета по правам человека ООН 16/13: «Свобода религии или убеждений», принятая Генеральной Ассамблеей 20 декабря 2012 г..
19. Резолюция, принятая Советом по правам человека 22/31: «Борьба с нетерпимостью, формированием негативных стереотипных представлений и стигматизацией, дискриминацией, подстрекательством к насилию и насилием в отношении лиц на основе религии и убеждений».
20. Устав Организации Объединенных Наций.